

В исследовании социальной сети тотальных институций Гофман, как он и сам неоднократно признается в своей книге, стремится увидеть трансформации представления о своем «я» и о том мире, который окружает попавшего в них человека. В свое время Лэйнг предлагал назвать такую стратегию исследования социальной феноменологией и очертить ее как пространство изучения опыта человека в процессе межличностного взаимодействия. «Задача социальной феноменологии, — писал он, — соотнести мое переживание поведения другого человека с его переживанием моего поведения. Предмет исследования этой науки — отношения между обоими переживаниями: истинным полем исследования является *взаимопереживание* (курсив автора. — О.В.)» [2, 27].

В книге Гофмана перед нами предстает не просто социальная роль психически больного, заключенного или монаха, она отражает не только его положение в обществе, но и своеобразие его переживания мира. Его «обитатель» — это человек, не умеющий плести паутину социальных ритуалов, не знающий правил игры социального мира. И именно эта идея объединяет такую своеобразную для Гофмана книгу «Приюты» со всеми остальными его работами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова О.А. Антипсихиатрия: становление и развитие. М., 2006.
2. Лэйнг Р.Д. Феноменология переживания. Райская птичка. О важном: Пер. Е.Н. Махнычевой. Львов, 2005.
3. Лэйнг Р.Д. Расколотое «Я»: Пер. М. Будыниной. М.; СПб., 1995.
4. Goffman E. Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates. N.Y., 1961.
5. Sedgwick P. Psycho Politics: Laing, Foucault, Goffman, Szasz and the Future of Mass Psychiatry. N.Y., 1982.

ЭРВИН ГОФМАН

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТОТАЛЬНЫХ ИНСТИТУЦИЙ*

I

Социальные институции — институты в повседневном смысле этого слова — представляют собой помещения, совокупности помещений, здания или заводы, в которых постоянно осуществляется специфическая деятельность. В социологии подходящего способа их классификации до сих пор нет. Некоторые институции, например Большая Центральная Станция, открыты для всех, чье поведение соответствует установленным правилам; другие — Клуб Объединенной Лиги в Нью-Йорке или Лаборатории в Лос-Аламосе, — кажется, довольно требовательны к тем, кто в них входит. Некоторые магазины или почтовые отделения включают несколько по-

* Источником данного перевода послужило введение и заключение к первой, одноименной, части работы «Приюты»: Goffman E. Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates. N.Y., 1961. P. 3-12, 112-124.

стоянных членов, обеспечивающих обслуживание, и ежеминутно обновляющийся поток людей, которые его получают. Другие — дома и фабрики — содержат более устойчивый набор участников. Некоторые институции организуют пространство активности, в рамках которого человек, как считается, очерчивает свой социальный статус, причем, эта активность может приносить удовольствие или же не вызывать никаких чувств; другие, напротив, образуют пространство сотрудничества, представляющее чересчур специфическим и несущественным, требуя жертвовать временем и оставлять в стороне более важные потребности. В этой книге мы сосредоточимся на другой естественной категории институций, весьма продуктивной для исследования, поскольку их члены, как нам кажется, имеют очень много общего. Поэтому, чтобы узнать побольше о какой-либо из этих институций, мы посоветовали бы взглянуть на другие.

II

Каждая институция поглощает время и ограничивает интересы своих членов, а также строит для них специфический мир, выражаясь кратко, — каждая институция склонна подавлять своих членов. Когда мы исследуем различные институции нашего западного общества, мы обнаруживаем, что некоторые из них иногда осуществляют большее подавление, чем все остальные. Это подавление, или тотальный характер, проявляются в ограничениях социального общения с внешним миром, а также в запрете самовольного отъезда, и часто встраивается прямо в физическое пространство, например, как закрытые двери, высокие стены, колючая проволока, обрывы, вода, леса или торфяные болота. Эти институции я называю тотальными, и их основные особенности я хочу исследовать (см. прим. 1).

Тотальные институции, существующие в нашем обществе, можно приблизительно распределить по пяти группам. Первая — институции, предназначенные для попечения над людьми, которые не могут позаботиться о себе сами, но при этом не представляют опасности для окружающих: это приюты для слепых, стариков, сирот и нищих. Вторая группа — это места, где опекают тех, кто не может о себе позаботиться и одновременно представляет пусть даже непреднамеренную, но угрозу для общества: туберкулезные санатории, психиатрические больницы и лепрозории. Третий тип тотальных институций существует для защиты общества от тех, кто несет преднамеренную угрозу, т.е. с целью благополучия людей, а изоляция в этом случае не является первостепенной задачей: это тюрьмы, исправительные лагеря, лагеря для военнопленных и концентрационные лагеря. Четвертая группа — это институции, образованные как пространства физического труда и оправданные только этой задачей: армейские бараки, грузовые суда, школы-интернаты, рабочие лагеря, колонии и большие особняки, если взглянуть на них со стороны обслуживающего персонала. И, наконец, есть пятая группа институций, в основе которых также лежит изоляция, но при этом преследуются и воспитательные цели: например, аббатства, мужские, женские монастыри и другие монашеские институции. Эта классификация тотальных институций не является строгой и исчерпывающей и не может использоваться в законченном виде, но она действительно обеспечивает совершенно безукоризненное определение этой категории как конкретной отправной точки исследования. Такое исходное определение тотальных институций, как я надеюсь, будет способствовать наиболее адекватному изучению общих особенностей каждого типа, избегая тавтологий.

Перед тем как я попытаюсь очертить общий профиль указанных институций, я хотел бы коснуться одной концептуальной проблемы: ни один из элементов, которые я опишу, не является специфическим только для тотальных институций и ни один из них не присущ им всем; что действительно является отличительной чертой тотальных институций — так это то, что каждая из них обладает большинством из тех признаков, которые будут указаны. Я буду говорить об «общих особенностях», употребляя именно это выражение хотя и достаточно специфически, но, как я думаю, логически обоснованно. В то же самое время, такой подход позволяет использовать метод идеальных типов, устанавливая общие черты в надежде выделить значимые различия позднее.

III

Основной особенностью современного общества является то, что человек, как правило, спит, отдыхает и работает разных местах, с различными партнерами, не подчиняясь всеохватывающей рациональной схеме. Центральная характеристика тотальных институций как раз и может быть представлена как разрушение барьеров, обычно разделяющих эти три сферы жизни. Во-первых, все сферы реализуются здесь в одном и том же месте, подчиняясь одной и той же власти. Во-вторых, каждая фаза ежедневной деятельности членов группы протекает в многочисленной тесной компании других, с которыми одинаково обращаются и которые совместно выполняют одну и ту же деятельность. В-третьих, все фазы деятельности тесно взаимосвязаны с одной сверх-деятельностью. Она состоит из целой последовательности действий, осуществляемых непрерывно и налагаемых сверху системой прямого управления и ядром управляющих. Наконец, все навязываемые действия подчиняются единому рациональному плану, связанному с официальными целями институции.

По отдельности эти особенности можно найти и за пределами тотальных институций. Например, в наших крупных коммерческих, промышленных и образовательных учреждениях постоянно растет количество кафетериев и мест свободного отдыха для сотрудников; однако посещение таких мест во многих подобных заведениях носит добровольный характер, и, приглядевшись, можно заметить, что власть управляющих структур на них не распространяется. Домохозяйки или фермерские семьи также могут проживать в ограниченном пространстве, но они не составляют однородной массы и в повседневных действиях не включены в компанию таких же других.

То, что управление большим количеством людей приводит к необходимости их бюрократического объединения в группы — вне зависимости от того, эффективно ли это для социальной организации в данных условиях, — является ключевым явлением тотальных институций. Из него вытекают весьма важные следствия.

Когда люди начинают входить в группы, они могут стать надзирателями, главной обязанностью которых является не руководство или периодическое инспектирование (как в большинстве отношений «начальник-подчиненный»), а, скорее, наблюдение — проследить за тем, чтобы каждый исполнял, что ему говорят, в условиях, где нарушение правил одним человеком, по всей вероятности, будет сильно выделяться на фоне явного и постоянно запрашиваемого согласия остальных. Вопрос о том, что является первым — большие группы подчиняющихся людей или малочисленный штат надзирателей — здесь не ставится, поскольку они предполагают друг друга.

В тотальных институциях присутствует основополагающий раскол между большой группой подчиненных, называемых попросту обитателями (см. прим. 2), и контролирующим их малочисленным персоналом. Обитатели обычно проживают в институции, и их контакт с миром за стенами ограничен; персонал же часто работает восемь часов в сутки и поддерживает социальные отношения с внешним миром (см. прим. 3). Каждая из этих из групп склонна воспринимать другую в рамках ограниченных негативных стереотипов: персонал часто видит обитателей жестокими, скрытными и не заслуживающими доверия, в то время как обитатели воспринимают персонал как напыщенных, деспотичных и придирчивых людей. Персонал осознает свое превосходство и справедливость, обитатели (по крайней мере, отчасти) — униженное положение, слабость, беззащитность и вину (см. прим. 4).

Социальная мобильность между этими двумя стратами чрезвычайно низка; социальное расстояние обычно очень велико и часто ограничено формальными рамками. Даже разговор через границу идет в определенном тоне, что наглядно показано в беллетризованном отчете о пребывании в психиатрической больнице:

«Я говорю тебе, — сказала мисс Харт, когда они проходили через комнату отдыха, — что ты сделаешь все, что говорит мисс Дэвис. Не думай об этом, делай. Тогда все будет хорошо».

Услышав имя, Виржиния сразу поняла, что вся эта жуть о начальнице. Мисс Дэвис. «Она старшая медсестра?»

«Конечно!» — прошептала мисс Харт. А затем повысила голос. Медсестры имели обыкновение говорить громко, как будто пациенты ничего не услышат, если они не будут кричать. Часто они произносили то, что пациентки не должны были слышать, обычным голосом; если бы они не были медсестрами, вы бы сказали, что они частенько беседуют сами с собой. «Самый компетентный и квалифицированный человек — мисс Дэвис», — заявила мисс Харт» [8, 72].

Хотя некоторое общение между обитателями и присматривающим за ними персоналом и неизбежно, одной из функций надзирателей является контроль взаимодействия заключенных и персонала высшего уровня. Исследователь психиатрических больниц приводит следующую иллюстрацию:

«Поскольку многие пациенты жаждут увидеть доктора во время обхода, если он свободен, дежурные должны выступать посредниками между пациентами и врачом. В тридцатом отделении, казалось, пациентам без телесных симптомов, составлявших две непривилегированные группы, вообще не позволяли говорить с врачом, если сам доктор Бейкер не интересовался ими. Упорная и извечно жалуемая бредовая группа, которую на своем сленге дежурные называли «надоедливими бородавками», «занудами», «скулящими псами», пыталась прорваться через дежурного посредника, но когда им это удавалось, общение было весьма кратким» [1, 177].

Так же как ограничено общение через границы, ограничена и информация, особенно та, которая касается планов персонала относительно обитателей. Характерно, что их не посвящают в то решение, которое принято относительно их судьбы. Являются ли официальные причины стратегическими, как в случае сокрытия пункта назначения от военнослужащих, или медицинскими, как в утаивании диагноза, плана лечения и его продолжительности от больных туберкулезом (см. прим. 5), — с помощью таких приемов увеличивается расстояние и осуществляется контроль за обитателями.

Все эти ограничения контакта, по-видимому, помогают поддерживать враждебные стереотипы (см. прим. 6). Два непохожих друг на друга социальных и культурных мира развиваются, сталкиваются в официальном общении, но пересекаются лишь незначительно. Значимо то, что специфику институции и ее название, разделяемые и персоналом, и обитателями, так или иначе определяет персонал, так что когда присутствует совокупная ссылка на устои или интересы «институции», она указывает (как и в моем случае) на представления и деятельность персонала.

Раскол «персонал-обитатели» одно из важнейших последствий бюрократического управления большими группами людей, второе касается специфики труда обитателей.

В обычной жизни в обществе власть рабочего места поддерживается денежным вознаграждением рабочего; труд дома и в свободное время является его частным делом. Благодаря этому механизму власть рабочего места сохраняется в пределах четких границ. Но утверждать, что обитателям тотальных институций дают выходной день, значит сказать, что все их потребности также должны удовлетворяться. Каким бы ни был стимул для работы, он не будет иметь такого структурного значения, как за стенами. У труда будут другие мотивы и другое к нему отношение. Это основная установка обитателей и тех, кто должен будет заставить их работать.

Иногда работа настолько легкая, что обитатели, часто не готовые к неспешным занятиям, ощущают крайнюю скуку. Требуемую работу можно выполнять очень медленно, и она зависит от системы незначительного, часто формального поощрения, как, например, еженедельная порция табака и рождественские подарки, которые заставляют некоторых психически больных работать. В других случаях требуется тяжелый труд, который по объему превышает полный рабочий день и стимулируется не стремлением получить вознаграждение, а страхом перед физическим наказанием. В таких тотальных институциях, как лагеря по заготовке леса и торговые суда, практика принудительного накопления ограничивает обычные отношения с миром, связанные с деньгами; все потребности удовлетворяются за счет институции, а зарплату выдают только тогда, когда сезон работы заканчивается, и люди разъезжаются по домам. В некоторых институциях обитатели, почти как рабы, трудятся полный рабочий день и находятся в подчинении штата; здесь причины заключения и подчинения могут быть не связаны с объемом работы. Т.Э. Лоренс в его отчете о службе в Королевских ВВС в Великобритании дает следующую иллюстрацию:

«Отслужив шесть недель, мы сталкиваемся с тяжелым трудом, потрясающим нашу моральную позицию тем, что они так легко к этому относятся. “Вы, придурки, новички, потейте”, — сказали они. Это обретенная проницательность или остатки цивилизованности в нас? Во время службы нам будут платить за все двадцать четыре часа в сутки по три полпенса в час; платить за работу, платить за еду, платить за сон: все время эти полпенса суммируются. Поэтому невозможно выделить работу и выполнять ее хорошо. Она занимает столько же много времени, сколько потом, возможно, не будет занимать ни семейный отдых, ни какая-то другая работа» [4, 40].

Если работы слишком много или слишком мало, человек, который вне стен институции привык трудиться, может благодаря системе труда в тотальной институции утратить свой моральный облик. Примером такой деморализации в психиатрической больнице является практика «валяния дурака» или работы ради пятицентовой или десятицентовой монеты, которую потом тратят в столовой. Люди, выпол-

няющие такую работу, — часто с некоторым пренебрежением — за пределами институции посчитали бы ее ниже своего достоинства. (Персонал, определяя этот новый паттерн в терминах свойственного внешнему миру стремления заработать деньги, может считать его признаком психического заболевания и еще одним подтверждением того, что обитатели действительно больны.)

Принципы оплаты труда в тотальных институциях и в нашем обществе весьма отличны. Они различаются и по еще одному наиболее значительному критерию — семье. Семейная жизнь иногда противопоставляется жизни в одиночестве, но, фактически, более подходящей противоположностью является жизнь группой, поскольку те, кто ест и спит на работе с группой коллег, едва ли могут поддерживать значимые семейные отношения (см. прим. 7). И наоборот, разделение пространства семьи и работы часто позволяет сотрудникам оставаться включенными во внешнее сообщество и избегать полного поглощения тотальной институцией.

То, станут ли тотальные институции для гражданского общества позитивной или негативной силой, и каким статусом они будут обладать, отчасти зависит от степени подавления существующих или потенциальных домашних хозяйств. И наоборот, формирование домашних хозяйств обеспечивает структурную гарантию того, что тотальные институции не останутся без противника. Противоположность этих форм социальной организации должна показать нам и другие их социальные функции.

Тотальная институция — это социальный гибрид, отчасти сложно устроенная общность, отчасти официальная организация; в этом и заключен ее особый социологический интерес. Есть и другие причины того, почему тотальные институции крайне любопытны. В нашем обществе они являются домами принуждения, где изменяют людей; каждое из них — это естественный эксперимент, который показывает, что можно сделать с «я».

* * *

I

Я рассмотрел тотальные институции лишь в единственном базовом ракурсе: через отношения обитателей и штата. Сделав это, я могу задать вопрос, что не учитывает мой анализ и что он искажает.

В более подробном исследовании тотальных институций было бы важно изучить типичную ролевую дифференциацию, которая устанавливается в пределах двух основных групп (см. прим. 8), а также институциональное значение такой специализации. Некоторые из этих индивидуальных ролей были упомянуты при обсуждении специфических задач институций: кто-то из персонала должен быть официальным представителем институции в общественных органах и для большей эффективности наводить неинституциональный лоск; кто-то — заниматься посетителями и проблемами обитателей; кто-то — оказывать профессиональные услуги, а кто-то — вступать с обитателями в относительно близкий контакт. Кому-то, вероятно, придется придумать для них эмблему институции — знак, который может вызывать различные чувства (см. прим. 9). Внимательное исследование тотальных институций должно уделить систематическое внимание этой внутригрупповой дифференциации.

Есть два аспекта внутригрупповой дифференциации ролей, которые я хотел бы здесь затронуть, оба имеют отношение к персоналу с самым низким статусом. Од-

ной из характерных особенностей этой группы является то, что эти служащие, по всей видимости, будут работать в институции дольше всех и следовательно, хранить ее устои, в то время как служащие с более высоким статусом, и даже обитатели, могут достаточно часто меняться (см. прим. 10). Кроме того, именно эта группа должна представить обитателям требования институции. Эти работники могут быть полезны, если необходимо устранить ненависть обитателей по отношению к более высокопоставленному персоналу, или когда они захотят вступить в контакт с начальством, ведь оно может одарить их отеческой добротой или даже освободить от заточения (см. прим. 11). Эти акты милосердия возможны по той простой причине, что высшие чины не отягощены обязанностью поддержания порядка, и их общение с обитателями происходит так редко, что эта мягкость не наносит урона общей дисциплине. Я думаю, в каком-то смысле обитатели чувствуют себя спокойнее при мысли (хотя и иллюзорной), что, несмотря на то, что большинство сотрудников плохие, человек наверху на самом деле хороший, и его, вероятно, просто обманывают подчиненные. (Выражением этих представлений являются популярные истории и фильмы про полицейских: низшие чины могут быть жестокими, предвзятыми или коррумпированными, но человек, стоящий во главе организации — добропорядочный.) Это хороший пример того, что имеет в виду Эверет Хьюгес, говоря о «моральном разделении труда», поскольку различие выполняемых человеком задач здесь неизбежно влечет за собой различие в приписываемых ему моральных качествах.

Второй аспект ролевой дифференциации внутри штата, который я хочу рассмотреть, имеет отношение к *паттернам почтительности* (deference). В цивилизованном обществе межличностные ритуалы диктуют такое поведение, при котором люди должны соглашаться друг с другом и во время непосредственного общения поддерживать формальную спонтанность. Отправитель должен исполнить ритуал не задумываясь, не спеша, не просчитывая, если он действительно выражает свое предполагаемое отношение к адресату, иначе как еще эти действия могли бы выразить его внутренние чувства? Отправитель может управлять ими, изучив принятые в обществе весьма стандартные ритуалы почтительности в столь раннем возрасте, что, когда он взрослеет, они становятся его второй природой. Теперь, поскольку он выказывает почтительность, адресат должен ответить открыто и непринужденно, адресат вряд ли может требовать ответного уважения, если с его стороны оно не было высказано. Действие может выражать принуждение, но принудительная демонстрация чувств — это только демонстрация. Оскорбленный адресат волен принять меры по отношению к тому, кто не проявил достаточной почтительности, но обычно для такого ответа нужно найти какие-либо маскирующие причины. По-видимому, лишь дети могут открыто наказываться получателем за открыто демонстрируемое неуважение; это одна из причин того, почему мы не считаем детей полноценными людьми.

Каждой институции, и в особенности тотальной, свойственны некоторые специфические модели почтительности, с обитателями в роли отправителей и персонала в роли адресатов. Чтобы они функционировали, сами адресаты непосредственно выражения уважения должны установить его формы и внедрить их. Следовательно, по сравнению с застенной жизнью, тотальным институциям присуща одна ключевая особенность, состоящая в том, что почтительность со специально установленными предписаниями и штрафными санкциями в случае нарушений обладает фор-

мальной опорой; требуются не только действия, но и демонстрация внутренних чувств. Экспрессивное поведение, вроде оскорблений, тут же повлечет наказание.

Штат частично защищается от этого измененного отношения к почтительности с помощью некоторых стандартных приемов. Во-первых, в значительной мере благодаря тому, что обитателей считают не-вполне-взрослыми, штат не испытывает унижения собственного достоинства, добиваясь уважения от своих подопечных. Во-вторых, иногда, особенно в вооруженных силах, бытует представление, что тот, кому отдают честь, — это не конкретная личность, а лишь «погоны» (это делается для того, чтобы человек не потребовал такого же уважения для себя); с этим тесно связано представление о том, что «не имеет значения, что ты чувствуешь, пока ты этого не показываешь». В-третьих, низший персонал может повысить свою квалификацию, предоставляя высшим чинам штата возможность лично получать добровольно выдаваемую почтительность. Как говорит Грегори Бейтсон: «По сути, роль посредника состоит в том, чтобы обучить третьего участника и проконтролировать формы поведения в его контакте с первым. Няня учит ребенка, как вести себя с родителями, так же, как сержант учит и контролирует поведение рядового по отношению к офицерам» [7, 372].

Я разъяснил лишь некоторые внутригрупповые вариации. Подобно сотрудникам институции, обитатели как группа не гомогенны, тем самым простое деление на штат и группу обитателей иногда может скрывать важные особенности. В некоторых институциях явный или имплицитный лидер обитателей не так уж далек по своим обязанностям и привилегиям от низшего персонала; иногда, фактически, самый авторитетный человек в низшей страте наделен большей властью, чем самый неавторитетный в высшей (см. прим. 12). Более того, есть институции, которые принуждают всех своих членов испытывать определенные лишения, совершать своего рода коллективную церемонию лишения, которую можно поставить в один ряд с ежегодным празднованием Рождества или другими ритуалами институций. Хорошие примеры этого встречаются в литературе, посвященной женским монастырям:

«Все члены общины, включая настоятеля монастыря, жили в одинаковых условиях, независимо от возраста и должности. Монахини-хористки, художники, доктора медицины и гуманитарии, повара, прачки, монахини-башмачницы и крестьянки, работавшие в саду, жили в напоминавших соты кельях, одинаковых по размеру и убранству — с кроватью, столом, стулом и со свернутым втрое покрывалом на каждом из них» [3, 20].

«Святая Клэр приняла законы, согласно которым настоятели и викарии должны во всем следовать правилам обычной жизни. Так же как множество других! Идея Св. Клэр о статусе начальства для того столетия была совершенно новой. У бедной настоятельницы Клэр нет ни подчиненных, ни последователей. Она не носит никакого нагрудного креста, только небольшое кольцо (приобретенное за 2,5 доллара), как и у ее монахинь. Наша настоятельница великолепна в расшитой спереди рясе. Она расшила ее сама, теми руками, которыми вместе с лучшими из нас режет и очищает от червей яблоки, теми же руками, которые так умело обращаются с кухонным полотенцем» (см. прим. 13).

Для некоторых женских монастырей в таком случае разделение «штат-обитатели» не продуктивно; очевидно, что в них, скорее, существует единая коллегиальная группа, обладающая внутренней стратификацией по статусу. Кроме того, в таких

тотальных институциях, как школы-интернаты, к стратам преподавателей и студентов можно добавить третью страту — обслуживающий персонал.

Тотальные институции во многом различаются в зависимости от значимости ролевой дифференциации в группах сотрудников и обитателей и по прозрачности границ между этими двумя стратами. Есть и другие важные отличия, которые ранее упоминались лишь вскользь; одно из них я хотел бы рассмотреть далее.

Новые члены переступают порог тотальных институций в разном душевном состоянии. С одной стороны, мы находим принудительное интернирование (см. прим. 14) приговоренных к тюремному заключению, отправленных в психиатрическую больницу или зачисленных в экипаж судна. На другой стороне — религиозные институции, которые имеют дело только с теми, кто чувствует, что услышал зов свыше; и из этих добровольцев отбирают лишь тех, кто оказывается самым достойным и наиболее серьезным в своих намерениях. (По-видимому, некоторые офицерские учебные заведения и те, что готовят политиков, функционируют так же.) В таких случаях, «обращение» (*conversion*), по сути, происходит до вхождения в институцию, и остается только показать неопиту, в каком русле необходимо продвигаться по выбранному пути. Между этими двумя крайностями мы видим такие институции, как армия по отношению к призывникам, где заключенные служат по обязанности, но им дают возможность почувствовать, что эту службу они проходят для самих себя. Очевидно, существенные различия в характере тотальных институций могут возникнуть в связи с тем, добровольным, не вполне добровольным или принудительным является интернирование.

Наряду с различиями в зависимости от формы интернирования существует и еще один критерий — степень противодействия самовоспитания заключенного и влияния штата. В опекунских и рабочих институциях обитатели, по всей видимости, должны выполнять лишь те предписания, которые касаются их внешнего поведения; дух и внутренние чувства, с которыми они приступают к своим заданиям, официально не затрагиваются. В воспитательных лагерях, религиозных институциях и учреждениях интенсивной психотерапии внутренние чувства обитателей контролирует персонал. Простого согласия с управляющими работой здесь, по всей видимости, не достаточно, и подчинение обитателей требованиям штата является как актуальной задачей, так и побочным результатом.

Другая сторона вариативности тотальных институций — это то, что можно назвать проницаемостью, т.е. степень проникновения и влияния стандартов внешнего общества на социальные стандарты, установленные в пределах институции. Эта проблема, кстати, дает нам возможность рассмотреть некоторые динамические отношения между тотальной институцией и большим обществом, на основе которого тотальная институция существует и которое допускает это существование.

В исследовании вхождения в тотальные институции обнаруживается их определенная непроницаемость (*impermeable aspects*), начиная с исключения и выравнивания процессов, которые в этот момент происходят, до стирания социальных различий, с которыми приходят новички. Св. Бенедикт советует настоятелю монастыря стремиться к следующему:

«Не делайте в монастыре никаких различий между людьми. Не любите одного больше, чем другого, если считается, что он превосходит других в труде или смирении. Не позволяйте, чтобы к благородному относились лучше, чем к бывшему невольнику, если на то нет никакой разумной причины» (см. прим. 15).

Как упоминалось ранее, кадет обнаруживает, что обсуждать «благосостояние и семью запрещено», и что «хотя жалование кадета чрезвычайно мало, ему не разрешают получать деньги из дома» (см. прим. 16). За воротами институции может исчезнуть даже принятая в большом обществе система возрастных рамок, что происходит в особенности в религиозных институциях:

«Габриэлла направлялась в то место, которое вскоре станет ей родным, третьей в колонне из сорока кандидатов. Самая старая в группе, она была третьей, – третьей, поскольку таковой она значилась в списке, в который ее внесли меньше недели назад, когда Орден открыл свои двери для новых членов. С того момента ее биологический возраст исчез, начался отсчет единственного возраста, который будет у нее впредь, – возраста ее религиозной жизни» (см. прим. 17).

Наиболее простые примеры того же процесса можно найти в военно-воздушных силах и на университетских факультетах, где в период государственного кризиса очень молодые люди могут занимать достаточно высокие должности. Как и возраст, в некоторых чрезвычайно радикальных институциях при вхождении могут изменяться имена членов, что, по-видимому, сильнее всего символизирует разрыв с прошлым и включение в жизнь институции.

Определенная непроницаемость границ необходима для институции в том случае, если нужно поддерживать моральные устои и стабильность. Только стерев социальные различия, установленные внешним миром, тотальная институция может определить собственную схему почестей. Тем самым, присутствие в государственной психиатрической больнице психически больных с высоким социально-экономическим статусом гарантирует каждому, что существует определенная роль психически больного, что институция не является лишь пунктом размещения отдельных представителей социальных низов общества, и что судьба обитателей не связана с их социальным статусом; то же самое можно сказать о роли аристократов в тюрьмах и о монахинях благородного происхождения во французских женских монастырях. Более того, если институция имеет стратегический статус, как некоторые военные, религиозные и государственные структуры, то упразднение в пределах институции внешних статусных рамок может обеспечивать постоянное напоминание о них и противопоставлять институцию охватывающему ее обществу. Необходимо отметить, что по причине исчезновения внешних различий самая жесткая тотальная институция может быть самой демократичной; и, фактически, уверенность заключенного в том, что о нем будут заботиться не хуже, чем о других его товарищах, может, как и депривация, поддерживать функционирование институции (см. прим. 18). Но есть некоторые пределы пользы непроницаемости для этих институций.

Я уже описал роль образца, которую высшие чины штата обязаны выполнять. Если они уважительно и эффективно выполняют работу в большом обществе, тогда для них будет выгоднее пополнить ряды той же самой социальной группы, как и лидерам других социальных единиц в большом обществе. Более того, если членов штата будет постоянно набирать из той страты большого общества, которая наделена более высоким официальным статусом, чем страта, из которой набираются заключенные, то расслоение большого общества, вероятно, придаст роли персонала стабильность. Как нам кажется, Вооруженные силы Великобритании до Первой Мировой войны, со своими чинами, говорившими на

просторечии и речевыми английскими школами для офицерского состава, основанными на том, что называли «хорошим образованием», иллюстрируют это утверждение. Это означает также, что, начиная с часто востребованных в пределах институций умений, рода занятий и профессии тех, кто становится заключенными, персонал, разумеется, допускает и даже поощряет некоторые остаточные роли (см. прим. 19).

Проницаемость тотальных институций может иметь в этом случае различные последствия для труда и сплоченности внутри институции. Это наглядно показывает весьма неустойчивая позиция персонала низшего уровня. Если границы институции проницаемы для внешнего сообщества, то его сотрудники могут иметь такое же (или более низкое), социальное происхождение, как заключенные. Разделяя культуру привычного мира обитателей, они могут стать естественным каналом общения между ними и высшими чинами штата (хотя этот канал часто задерживает восходящую коммуникацию). Но по тем же причинам у них могут возникнуть трудности в установлении социальной дистанции с их подопечными. Как, например, недавно писал исследователь тюрем, это может просто усложнить роль тюремного надзирателя, более того, сделать его объектом насмешек заключенных, и они будут надеяться, что он станет лояльным, справедливым и коррумпированным [6, XXXIV; 2, 96-97].

Вне связи с пользой и вредом непроницаемости и не зависимо от того, насколько радикальной и воинственной является тотальная институция, нам кажется, что всегда будут существовать пределы перестраивания и сохранения традиций, основанных на уже установленных во внешнем обществе социальных различиях, если лишь так институция сможет вести дела с этим обществом и допускаться им. Кажется, тотальных институций, которые обеспечивают полностью независимую от пола групповую жизнь, в западном обществе не существует; и женские монастыри, которые на первый взгляд не сохраняют социально-экономическое расслоение, фактически, склонны давать роль услуги новообращенным из крестьянок, также как мусороуборочные бригады в смешанных психиатрических больницах в основном полностью состоят из чернокожих (см. прим. 20). Точно также в некоторых британских школах-интернатах мы обнаруживаем, что мальчикам благородного происхождения могут позволять некоторые нарушения правил [5: 510, 525].

Одно из самых интересных различий между тотальными институциями можно найти, обратившись к социальной судьбе их выпускников. Как правило, они разъезжаются по разным географическим точкам; различия обнаруживаются лишь в той степени, в какой несмотря на расстояние сохраняются структурные связи. С одной стороны — выпускники-одногодки частного (particular) бенедиктинского монастыря, которые не только поддерживают неформальные контакты, но и считают, что в течение оставшейся жизни их занятие и местонахождение определяются их принадлежностью к институции. Там же — ex-cons, чье пребывание в тюрьме предопределяет их профессию и принадлежность к интернациональному дну общества, и накладывает отпечаток на всю их дальнейшую жизнь. С другой стороны мы находим военнотружущих, проживавших в одном бараке, которые погружаются в частную жизнь сразу после демобилизации и даже не посещают встреч сослуживцев. Здесь также и экс-психические больные, умышленно избегающие тех людей и событий, которые могут напомнить им о больнице. Между этими двумя полюсами мы видим

содружества «выпускников» частных школ и высших учебных заведений, которые функционируют как дополнительные структуры по поддержке дипломированных специалистов.

II

Я очертил феномен тотальных институций, дав им определение, и затем стремился указать несколько их общих особенностей. Теперь у нас есть значительный массив литературы по этим институциям, и мы должны отбросить простые стереотипы, опирающиеся на анатомию и функционирование этой разновидности социальных животных. Конечно, стереотипы навязываются нам настолько открыто и постоянно, что мы имеем право заподозрить, что для этих особенностей есть достаточные функциональные основания, и что их можно объединить и понять посредством функционального объяснения. Я чувствую, что когда мы сделаем это, мы меньше будем хвалить или осуждать руководителей, начальников, командиров и настоятелей и лучше поймем социальные проблемы и проблемы тотальных институций, обратившись к общему для них всех структурному замыслу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Belknap I.* Human Problems of a State Mental Hospital. N.Y., 1956.
2. *Cantine H., Rainer D.* Prison Etiquette. Bearsville, N.Y., 1950.
3. *Hulme K.* The Nun's Story. London, 1957.
4. *Lawrence T.E.* The Mint. London, 1955.
5. *Orwell G.* Such, Such Were the Joys // *Partisan Review*. 1952. XIX. September-October.
6. *Sykes G.M.* Corruption of Authority // *Social Forces*. 1956.
7. The Study of Culture at a Distance / *Mead M., Metraux*. (Eds.) Chicago, 1953.
8. *Ward M.J.* The Snake Pit. N.Y., 1955.

Примечания

1. Категория «тотальные институции» в социологической литературе время от времени встречалась в рамках другой терминологии, и отдельные исследователи уже предлагали некоторые ее характеристики, подробнее всего это, возможно, было сделано в не очень известной работе Говарда Роуланда «Изолированные сообщества и психическое здоровье» (*Rouland H. Segregated Communities and Mental Health* // *Mental Health Publication of the American Association for the Advancement of Science* / Ed. by F.R. Moulton. 1939. № 9). Предварительная публикация настоящей работы представлена в: *Group Processes, Transactions of the Third* / Ed. by B. Schaffner. N.Y., 1957. Термин «тотальный» используется в сходном контексте в работе: *Etzioni A. The Organizational Structure of «Closed» Educational Institutions in Israel* // *Harvard Educational Review*. 1957. XXVII. P. 115.

2. Англ. «inmate» может переводиться как 1) жилец, обитатель; 2) заключенный в тюрьме, больной в госпитале и т.д. Хотя термин «обитатели» не является эквивалентом понятия «inmates», на наш взгляд, он более близок и наиболее благозвучен для русского языка. — *Прим. перев.*

3. На двучленный характер тотальных институций мне указал Грегори Бейтсон, это отмечалось и в литературе. См.: *Ohlin L.E.* Sociology and the Field of Corrections. N.Y. 1956. P. 14, 20. В тех ситуациях, когда персонал обязан проживать по месту службы, он чувствует, что переживает определенные затруднения и приносит домой неосознаваемую статусную зависимость от жизни внутри. См.: *Cassels Record J.* The Marine Radioman's Struggle for Status // *American Journal of Sociology*. 1957. LXII. P. 359.

4. О такой ситуации в тюрьме см.: *Weinberg S.K.* Aspects of the Prisons Social Structure // *American Journal of Sociology*. 1942. XLVII. P. 717-726.

5. Весьма подробное сообщение о случае, касающемся этой проблемы, содержится в главе «Информация и контроль лечения» в готовящейся монографии Юлиуса А. Роута о туберкулезном диспансере. Его работа обещает быть образцовым исследованием тотальных институций. Предварительные результаты можно найти в его статьях: *Roth J.A.* What is an Activity? // *Etc.* XIV. Autumn 1956. P. 54-56, и *Roth J.A.* Ritual and Magic in the Control of Contagion // *American Sociological Review*. 1957. XXII. P. 310-314.

6. См. в: *Ohlin L.E. Sociology and the Field of Corrections*. N.Y. 1956. P. 20.
7. Весьма интересным крайним примером этого является израильский киббуц. См.: *Spiro M.E. Kibbutz, Venture in Utopia*. Cambridge, 1956, и *Etzioni A. The Organizational Structure of «Closed» Educational Institutions in Israel* // *Harvard Educational Review*. 1957. XXVII.
8. Анализ разделения ролей среди заключенных можно найти в работе: *Sykes G.M. The Society of Captives*. Princeton, 1958 (Ch. V, «Argot Roles»). P. 84-108, *Sykes G.M. Men, Merchants, and Toughs: A Study of Reactions to Imprisonment* // *Social Problems*. 1956. IV. P. 130-138. О тех типах обитателей, которые персонал выделяет среди психически больных см.: *Mering O. von, King S.H. Remotivating the Mental Patient*. N.Y., 1957, особенно: P. 27-47, «A Social Classification of Patients».
9. Движущие силы этого процесса рассмотрены в известной работе Фрейда «Групповая психология и анализ Эго». О попытке применения этих идей см.: *Etzioni A. The Organizational Structure of «Closed» Educational Institutions in Israel* // *Harvard Educational Review*. 1957. XXVII. P. 123. Есть и другие мишени для проекции, например, талисман группы; хотя, возможно, их нужно рассматривать вместе.
10. См., например: *Belknap I. Human Problems of a State Mental Hospital*. P. 110.
11. См., например: *Elliott Jaques. Social Systems as a Defence against Persecutory and Depressive Anxiety* // *Melanie Klein et al. New Directions in Psycho-Analysis*. London, 1955. P. 483.
12. См., например, обсуждение функции боцмана в: *Richardson S.A. The Social Organization of British and United States Merchant Ships*. Cornell University, 1954. P. 15-18 (неопубликованная монография, доступна в: *The New York State School of Industrial and Labor Relations*). Полковой и батальонный сержант, стоящий выше сержанта взвода, всегда годится в качестве другого примера.
13. *Francis M. A Right to be Merry*. N.Y., 1956. P. 179-80. В англо-американской военной традиции принято за правило, что офицеры подвергаются такому же риску, как их солдаты, и во время сражения они больше обеспокоены пищей и условиями своих солдат, чем своими собственными, обеспечивая таким образом вариации церемоний лишения; больше заботясь о солдатах, чем о себе, офицеры одновременно и укрепляют отношения с ними, и поддерживают дистанцию.
14. Англ. «entrance» в данной работе, в зависимости от контекста, переводится двумя терминами — «интернирование» и «вхождение». — *Прим. перев.*
15. *The Holy Rule of Saint Benedict*. Ch. 2 (В своей работе Гофман ссылается не на страницы, а на номера правил из «Устава Святого Бенедикта», не указывая выходных данных. Очевидно цитаты приводятся по изданию: *Benedict, Saint. The holy rule of our most holy father Benedict: with declarations and constitution of the American-Cassinese Congregation* / Trans. from the Latin by B. Verheyen. Atchison, Kan., 1949. — *Прим. перев.*
16. *Dornbusch S.M. The Military Academy as an Assimilating Institution* // *Social Forces*. 1955. XXXIII. P. 317. Известный пример этого можно найти в системе прислуживания старшим (*fagging system*) в английских государственных школах.
17. *Hulme K. The Nun's Story*. P. 22-23. Бенедиктинское представление о стирании возраста можно найти в: *The Holy Rule of Saint Benedict*. Ch. 63.
18. В этом, безусловно, недостаток медицинского управления в психиатрических больницах, которые выстраивают лечение в зависимости от индивидуального диагноза.
19. Это имеет место даже в концентрационных лагерях. См., например: *Cohen E.A. Human Behaviour in the Concentration Camp*. London: Jonathan Cape, 1954. P. 154. Св. Бенедикт (Правило 57) мудро подмечает возможную угрозу этой практики: «В монастыре должны быть умельцы, если настоятель так решил, позволяй им заниматься своим ремеслом в смирении и благоговении. Но если кто-либо из них возгордится в знании ремесла, которым он приносит прибыль монастырю, пусть он забудет его и не занимается им более до тех пор, пока, быть может, он не достигнет смирения, и настоятель не позволит ему возобновить занятия».
20. В действительности в пределах любого данного учреждения самые важные и самые незначительные роли относительно зависимы от стандартов большого общества, в то время как непроницаемость сосредоточена на средних уровнях институциональной иерархии.

Пер. с англ. О.А. Власовой